

Родные об Анфиме Игнатьевиче Пономареве

Нинель Павловна Жмудова,

внучка Анфима Игнатьевича

После освобождения мой дед Анфим Игнатьевич Пономарев не сразу вернулся домой, работал в Котласе. Мама говорила, что он не хотел возвращаться. Бабушка съездила за ним и привезла в Кемерово. Но жить в областном центре ему было запрещено, и они купили домик в 40 километрах от Кемерова на станции Забойщик. Дед там работал сначала плотником, потом электрогазосварщиком. Работал он всегда хорошо.

Когда я родилась в 1964 году, он купил корову. Со снабжением было плохо, все полагались на личное подсобное хозяйство. Мои родители, дедушка с бабушкой, которые пережили голод, войну, лагеря, не особенно полагались на государство – считали, что все продукты должны быть своими.

В детстве дед любил брать меня на покос, делал маленькие грабельки, чтобы я ворошила сено. Картошки всегда сажали много, свой огород. С ранней весны мы с дедом любили ходить в лес – сначала за колбой (черемшой), потом за грибами.

В 1973 году семья переехала в город Березовский. В одной половине жили моя мама с папой и со мной, за стенкой – дед с бабушкой. Дед построил огромную теплицу. Всегда выписывал много газет и журналов по садоводству.

Анфим Игнатьевич знал любую работу и все в доме делал своими руками. 1950-е

Был очень сильным физически, несмотря на тяжелую жизнь и голод во время войны. Когда ему было 82, спокойно поднимал на коромысле два бака с землей.

Про Сталина никогда не говорил плохого, даже когда в конце 1980-х пошли публикации. Считал, что все репрессии устраивал Берия. Кстати, и бабушкин брат, Федор Киприянович Чикуров, он всю войну прошел разведчиком, тоже не считал Сталина тираном, несмотря на то, что их брат, Григорий Киприянович Чикуров, отец Нинель Григорьевны Киселевой, был расстрелян на полигоне в селе Ягуново близ Кемерова как враг народа.

Анфим Игнатьевич обшивает свой дом. 1950-е

Нинель Григорьевна Киселева,
племянница Анфима Игнатьевича

В студенческие годы я часто ездила к моей любимой тете Кате, сестре моего отца Григория Киприяновича Чикурова. Жила она с Анфимом Игнатьевичем и дочерью Ларисой в шахтерском поселке. Я тогда училась на инженера-технолога сварочного производства, а дядя, большую часть жизни проработавший сварщиком, в этом деле был настоящим виртуозом. Кстати, сначала сама я получить такую специальность не мечтала, поступала на энергетический факультет, но, несмотря на высокий балл, туда меня не взяли – дочь расстрелянного «врага народа». Взяли на сварочный (в моей группе у половины студентов отцы были расстреляны), и скоро я поняла, что впереди у меня очень интересная работа. Так что

Анфим Игнатьевич (в центре) на сенокосе. 1974

у Анфима Игнатьевича я много почерпнула профессиональных секретов.

Дядя прекрасно знал тайгу. Брал меня с собой, показывал, рассказывал. Помню, в одном из наших походов наломал хвойных веток, разложил их рядком и подробно объяснил, как определить породу дерева. Мы ведь были городские жители и леса не знали. В школе, даже начальной, Анфиму Игнатьевичу учиться не пришлось, но тяга к знаниям, к профессиональному росту сопровождала его всю жизнь. Высшее образование он ставил так высоко, что, когда я, уже закончив вуз, к ним приезжала, он при встрече целовал мне, совсем еще зеленому инженеру, руку.

Решение написать воспоминания Анфим Игнатьевич принял самостоятельно, писал под иронические замечания родных:

мол, кто их читать будет. Когда воспоминания были закончены, он долго не знал, куда их определить. В это время в Березовском открылся музей боевой славы. Я посоветовала отдать воспоминания туда. Музей их принял, мне выдали копии, которые я передала в Мемориал.

Теперь о характере Анфима Игнатьевича. Был он скуповат, настоящий крестьянин. Постоянно был занят, работал, отдыхать не умел. Находясь на пенсии, сделал зимнюю отапливаемую теплицу и в сорокаградусные сибирские морозы выращивал там помидоры. К 1 Мая у него всегда были красные помидоры, которые сам он не ел, а продавал шахтерам к праздничному столу.

Сберкассе он не доверял и хранил деньги в укромных местах. Когда дочь однажды поехала отдыхать на юг, он дал ей деньги и сказал, чтобы она ездила на такси: пусть не считают, что они бедные. Таким был Анфим Игнатьевич в быту.

Сергей Красильников

Три судьбы – лихолетье одно

Перед нами воспоминания трех наших соотечественников, переживших вместе со страной страшные события первой половины XX века (войны и революция 1914–1922 годов; «Великий перелом» и раскрестьянивание; массовые репрессии; Великая война). Все трое авторов из крестьян. Двое, родившиеся в позднеимперское время, – Евдокия Константиновна Макарова (1907) и Анфим Игнатьевич Пономарев (1909) – успели застать «старый порядок», и хотя прожили основную часть жизни уже при новом, советском строе, им было с чем сравнивать. Третий рассказчик, Николай Иосифович Скрылев, родившийся в 1926 году и прошедший советскую школу воспитания, тем не менее тоже обращается

Автор статьи, Сергей Александрович Красильников, потомок ствольпинских крестьян-переселенцев из европейской части России в Сибирь; потомок и тех, кто в 1931 году был выслан из-под Новосибирска в Нарымский край на спецпоселение. Историк; тема его исследований в Новосибирском университете – крестьянская ссылка сталинской эпохи.

к своим корням, ему было важно донести до потомков то, что он услышал от отца.

Их судьба – судьба выживавшего, но понесшего невосполнимые утраты крестьянского мира, раздавленного государственной системой, которая смотрела на крестьянство как на неисчерпаемый ресурс для своих грандиозных строек, как на расходный материал. Эти «осколки» крестьянства с разорванными семьями (Евдокия одна с детьми надрывается в колхозе, муж – отходник на заработках в городе; жена Пономарева мыкается с ребенком по углам, муж в лагере; мать Скрылева, «кулачку», выгоняют с малыми детьми из дома – муж в бегах) не столько жили, сколько выживали. Грань между свободой и несвободой была стерта. Везде – в лагере, в колхозе, под немецкими оккупантами – властвовали надзирающие и наказывающие. Если что и выручало, так это личная смекалка и «зашитый» в их генах опыт выживания многих поколений землепашцев. Сравнить, по кому из трех авторов воспоминаний жизнь ударила сильнее, вряд ли имеет смысл, при том что судьбы их во многом сложились по-разному – под оккупантами была только Евдокия, в лагере – только Анфим, на фронте – только Николай. Другое дело, что Евдокия, в отличие от Скрылева с Пономаревым, на протяжении своего повествования отвечала еще и за детей.

Безусловно, за каждым автором стоит не только личный опыт, но и опыт многих поколений, передававшийся от старших младшим. Поддерживать традиции они считали своим долгом.

В частности, церковная традиция, скорее даже христианское устройство жизни – это то, от чего они отталкивались, ведя свой рассказ. В послереволюционный период, особенно после 1930 года, церковь была выдрана из крестьянской жизни, однако декретами можно упразднить что угодно, но обычаи и нравы декретам не подвластны. Христианство продолжало существовать в бытовых, повседневных формах, ритм крестьянской жизни по-прежнему задавали православные обычаи и праздники.

Глубоко верующим никто из авторов этой книги не был, но даже верившему в кремлевского вождя Скрылеву обрубить православные корни власть не смогла. Жил и воевал он не по советским лозунгам, а следуя тем же жизненным принципам и устоям, что и его глубоко верующий отец. Евдокию во время бегства от войны случайно жизнь свела со священником. Об этом христианине она мало хорошего могла сказать, что не помешало ей отдать имущество, оставленное сбежавшим батюшкой, его невесть откуда взявшейся родственнице. А ведь могла с полным правом оставить его себе, – но Бог не простит.

В отношении к власти имущим Скрылев, Пономарев и Евдокия используют отнюдь не советскую, а все ту же христианскую шкалу – нет плохих или хороших постов и должностей: как внизу, так и наверху есть плохие или хорошие люди (правда, о верхах они мало что знают, так как порог общения с властью у них низовой – райуполномоченный, начальник цеха, командир батареи). При этом

Евдокия, человек ответственный, лидер по своей природе, фактически руководившая колхозом при никчемном председателе, категорически отказывается занять его место. Она понимает, что лидер и советский начальник не одно и то же. Начальника волнуют только приказы сверху, а это плохо сочетается с ее жизненными принципами. Пономарев и Скрылев об этом особо не задумывались, власть в их представлении что-то вроде погоды – какая есть, такая есть. Начальников, с которыми они имели дело, измерять политической меркой им тоже не приходило в голову, и к себе, и к ним они прикладывали одну линейку – человеческую. И все же что-то им подсказывало: лучше отвечать за себя, за свою работу, чем стоять над подчиненными, а значит, давить на них. Достигшему высшего профессионального уровня сварщику Пономареву часто приходилось выполнять роль бригадира, но от того, чтобы занять эту должность, он неизменно уходил. Сержант Скрылев, командовавший минометным расчетом, предпочел перейти в разведку, чтобы отвечать только за себя.

С крестьянским смирением авторы относятся и к тому, что жизненные обстоятельства, от них мало или почти не зависящие, всякий раз отбрасывают их с достигнутого уровня, будь то социальное положение, достаток, уважение, на самые нижние ступени: Евдокия, до войны поднявшая свой умиравший колхоз, после войны и до пенсии проработала техничкой в школе. Пономарев, в лагере ставший одним из лучших сварщиков на строящейся Северной железной дороге, выйдя на

волю и вернувшись к семье, работу того же уровня найти не смог – не брали как отсидевшего по 58-й. Пришедший с войны Скрылев, весь израненный, награжденный орденами и медалями, вынужден был, чтобы не пухнуть с голоду, закупать семечки и «хоть на пассажирском на крыше, в тамбуре, между вагонами, а хоть на товарняках» везти их для перепродажи в большие города. Народ-победитель оказывается на периферии самой Победы. Даже мизерные выплаты, которые фронтовику Скрылеву полагались за знаки боевого отличия, власть вскоре упразднила. Пособия за многодетность и за погибшего на фронте мужа в деревне были подспорьем, но в Ленинграде, куда Евдокия перебралась с детьми, жизнь это не облегчало. Пономарев за свой тяжкий, рабский труд, за потерянное здоровье никакой помощи от государства не видел, только «похвальные бумажки да устные благодарности».

Выживание, если не за счет кого-то, само по себе героизм. Но авторы не склонны героизировать свои поступки и действия, даже такие, которые готова превозносить власть. Фронтовик Скрылев пишет не столько о своих боевых заслугах, сколько о повседневных тяготах: «...есть совсем нечего, это, наверное, нас умышленно морили, чтоб на фронт веселее шли и оттуда в тыл не манулось». Выгнанная оккупантами из дома семижильная Евдокия чудом спасает от голодной смерти детей и мужа: «Стали шкуры из снега выгребать и резать их кусками. И потом палили и варили», – но выносливость, изобретательность, сердечность

она себе в заслугу не ставит. Для Пономарева главное в жизни – трудолюбие, мастерство, но о своем героизме, более чем реальном, он вспоминает только на последней странице: «...никто о моих наградах не знает, никто их не видит, и поощрений мне никаких».

Авторы не могли обойти вниманием прямо ударивший по ним «Великий перелом», то есть форсированное, принудительное, в значительной мере репрессивное раскрестьянивание. Евдокия с семьей, несмотря на огромные налоги, до последнего держалась за свое хозяйство, пока власть не решила силой загнать ее в колхоз – единоличнице запретили пасти скот. Бабы за «палочки» (учет трудодней) трудились в колхозе, мужья уходили на заработки в города, на их деньгах и посылках семьи в основном и держались. У Пономарева, устроившего в деревне небольшую мастерскую по выделке кож, большевики все отобрали, и пришлось крестьянскому парню податься на стройку. Скрылевых «раскулачили», отец несколько лет скрывался, пока инвалид, бывший красноармеец, с которым они вместе воевали, не обратился наверх с ходатайством. И чудо – дом вернули, редкий по тем лихим временам случай.

К началу войны крестьянство худо-бедно притерпелось к колхозной системе, выбора-то не было. И все же значительная часть тех, кто работал на земле, видели во всем этом государственную повинность и отчуждение труженика от земли и собственности. Про Скрылева, ничего кроме колхозов не видевшего, этого не скажешь,

но когда он приходит вместе с армией в районы, захваченные СССР после 1939 года, ненависть местных крестьян к коллективизации вызывает у него сочувствие: «А здесь, за г. Минском, встреча была холодная. Зашли мы как-то в только что освобожденный населенный пункт в хату человек 10 обогреться, поздоровались с хозяевами, заговорили о том о сем. В хате тепло. На примосте, т. е. на лавке на постели, под окном лежит старый дед, штаны и рубаха на нем белые, из домотканой холстины, мы с ним особо поздоровались, он и спрашивает нас: сынки, вот вы пришли, а колхозы-то будут у нас? Мы молчим. Тогда наш парторг Костин подходит к нему и говорит: дедушка, ну а как же, мы без колхозов жить не можем. Дед сказал: лучше бы вы не приходили; и отвернулся от нас лицом к окну».

К концу войны надежда, что колхозы будут распущены, вспыхнула у вынесших на себе главные тяготы войны крестьян (они составляли две трети населения) с новой силой. Послевоенные сводки спецслужб фиксируют такие настроения у подавляющего числа деревенских жителей. Сегодня не только официальные лица, но и немалая часть профессиональных историков не устают повторять, что именно колхозная система позволила в 1930-е годы создать мощную индустрию, а в годы войны обеспечить нужды тыла и фронта централизованными поставками сырья и продовольствия. На самом деле обеспечивала плохо, гораздо хуже, чем в Первую мировую с этим справлялось крестьянство, еще не вкусившее прелестей кол-

лективизации. Если в первые полтора года войны определенный спад аграрного производства наблюдался (работники мобилизованы в армию), то далее и вплоть до 1917 года оно росло. Относительно быстро сельская экономика восстановила свой потенциал и после Гражданской войны, гораздо быстрее, чем с этим справились после 1945 года колхозы.

Чтение этих нехитрых воспоминаний возвращает нас к важнейшему вопросу: каково место крестьянского мира в судьбе нашей страны в первой половине XX века, да, возможно, на протяжении всего столетия? Даже малой части бедствий и страданий, которые пришлось на долю жителей России (далее СССР), хватило бы, чтобы обрушить среднюю, да и крупную страну европейского континента, включая и саму ее государственность. Во вселенских катастрофах наиболее хрупкие и уязвимые – городские урбанизированные пространства. И в нашем случае войны и революция уничтожали городской мир, но страна выжила – прежде всего за счет мира крестьянского. Почти все 30-е годы существовавший на пределе выживания этот мир до такой степени к нему притерпелся, что смог выстоять и победить в Великую Отечественную (армия, по сути, была крестьянской), а потом восстановить страну, воссоздать общий строй жизни. Наши авторы принадлежали этому миру.

Архив и музей Общества «Мемориал» собирают свидетельства о судьбах узников ГУЛАГа и их родственников. Мы будем благодарны всем, кто поможет нам в этом, кто передаст в наш музей и архив подлинные вещи и произведения искусства из мест заключения, фотографии и письма. Уходит время, гибнут уникальные документы и свидетельства. Вместе с вами мы должны их сохранить.

Архив и музей

Общества «Мемориал»

127006, Москва, Каретный ряд, 5/10

Тел. +7 (495) 650 78 83

e-mail: nipc@memo.ru

www.memo.ru